

Г. Н. БИБИКОВ

А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I

<Фрагмент>

<...> Один современный историк заметил: «В классических, так сказать записных реакционерах как-то не хочется открывать личность... А тут вдруг выясняется, что он неглуп и принципы имеет, да и не такой уж реакционер, по крайней мере, в эти годы: царя поругивает, с Аракчеевым не здоровается. И вообще, чувство юмора есть. И человек “оживает”. И в который раз понимаешь, как вредны стереотипы»¹.

Вглядываясь в детали жизненного пути А. Х. Бенкендорфа в годы правления Александра I, невольно обнаруживаешь за сухими фактами формуллярного списка далеко не однозначную, не «плоскую» личность. Родовитый остзеец, близкий к влиятельным придворным кругам, «плоть и кровь династическая», Александр Христофорович был человеком живым и впечатлительным. Любимец женщин, флигель-адъютант, он блестал на светских раутах искрометными танцами и остроумием. Честолюбивый по природе, выбрал для себя военную карьеру и стремился не пропустить ни одной войны. Но блеск придворной жизни вновь и вновь манил к себе, заставляя молодого офицера отдавать предпочтение светским развлечениям перед армейскими буднями. Не раз его опрометчивые, залихватские поступки вызывали нескрываемое неудовольствие Александра I.

Отечественная война 1812 года и Заграничные походы заставили надолго забыть о мелких прихотях. Выделяясь неоспоримой храбростью, смекалкой, умением быстро оценить обстановку и принять самостоятельное решение, Бенкендорф к концу войны выдвинулся

в ряды видных кавалерийских генералов своего времени. После блестящей операции в Голландии его имя оказалось на слуху, его ставили в один ряд с такими генералами, как А. И. Чернышев, Д. В. Давыдов, М. С. Воронцов, как и М. А. Милорадович, он прошел всю войну без единой царапины.

По окончании войны Александр Христофорович четыре года командовал кавалерийскими частями, расквартированными в глухой провинции. Здесь, преодолев себя, он твердой исполнительностью и служебным рвением заметно улучшил состояние вверенной ему драгунской дивизии. Усердие не осталось незамеченным, и Бенкендорф был переведен в Петербург. По чувству личной преданности к царствующему монарху, столь свойственному немецкому дворянству на русской службе, он стремился выслужиться и обратить на себя внимание Александра I: в 1821 году подал на его имя записку о тайных обществах, через три года, рискуя жизнью, спасал на глазах императора тонущих в волнах Невы жителей столицы. Но Александр I, не препятствуя карьерному продвижению Бенкендорфа, не желал видеть его в числе своих близких советников.

Николай I, напротив, еще в дни междуцарствия приблизил к себе Бенкендорфа. Быстрому возвышению Александра Христофоровича способствовало твердое поведение в декабрьские дни 1825 года, а также его осведомленность о планах и составе тайных обществ декабристов. Но это было не главное. Николай I оценил преданность заслуженного генерала. Он разглядел в Бенкендорфе человека со схожим кругом понятий о долге, служебной дисциплине; оба генерала хорошо разбирались в делах армейского управления, любили заниматься строевым делом. Бенкендорф умел быть как галантным светским придворным, приятным собеседником, так и исполнительным чиновником. В отличие от многих современников он хорошо знал внутреннюю Россию, немало путешествовал по Европе. Не готовясь до 1825 года к занятию должностей по гражданскому ведомству, он за несколько лет развил способность мыслить государственными категориями. В то же время, как и молодой император, Бенкендорф не получил в детстве систематического гуманитарного образования, вследствие чего не был приобщен к литературному и философскому движению эпохи, не имел вкуса к отвлеченной учености. Багаж его политических знаний составляли не популярные в то время философские трактаты французских и немецких мыслителей XVIII — начала XIX века,

а хорошее представление о реалиях придворного Петербурга, провинциальной и армейской жизни. «Примерное служение, усердие... должно предпочтеть просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному»² — это мнение Николая I шеф жандармов не просто передал Пушкину, но и сам искренне его разделял. Общность взглядов сблизила и сдружила Бенкендорфа с императором, который одобрил предложенный Александром Христофоровичем проект реорганизации тайной полиции империи.

Важнейшим звеном проекта стало создание Корпуса жандармов. Если жандармские команды, организованные Александром I по французскому образцу, продолжали и при его преемнике выполнять функции конно-городской полиции, то значительная часть офицерского состава корпуса была ориентирована на выполнение задач политической полиции. Власть не пошла на экстренные финансовые расходы в связи с реформой жандармерии. По этой причине до середины 1830-х годов растянулось выделение жандармских команд из состава внутренней стражи, направление штаб-офицеров в каждую губернию, принятие «Положения о Корпусе жандармов» 1836 года.

Жандармские офицеры во Франции, Германии и Италии, в условиях трансформации или исчезновения сословного строя, были существенным каналом распространения государственной идеологии и единого законодательства, которое приходило на смену обычному праву. По словам К. Эмсли, жандарм «принуждал к принятию новых форм общественной дисциплины»³. В ряде стран Западной Европы в эти годы происходило окончательное разделение функций тайной и общей полиции между разными управлениями.

В России губернские штаб-офицеры не только не привносили в провинциальное общество эгалитарных начал, напротив, они укрепляли патриархальный уклад жизни. Через жандармов подданные императора добивались справедливости не в судах, а искали ее непосредственно у трона. В своих действиях штаб-офицеры не руководствовались ни официально опубликованными инструкциями, ни писанными законодательными нормами, круг их компетенции даже не был ясно очерчен. «Жандармы для того и учреждены, — утверждал Э. И. Стогов, — чтобы мешаться в чужие дела»⁴. Этот патриархальный политический институт был, пожалуй, наименее бюрократизированной структурой в рамках вполне формалистично организованной николаевской бюрократии.

Штаб-офицеры Корпуса жандармов были поставлены в роли надсмотрщиков за губернским обществом. Независимые от местной администрации, они информировали шефа жандармов, а через него и императора обо всех заслуживающих внимания происшествиях и в целом о царящих в среде губернского дворянства настроениях. Наблюдение было прямо увязано с функциями контроля: жандармы отслеживали все случаи злоупотреблений губернской администрации, в том числе в рекрутских присутствиях и на ярмарках. Контроль над губернским чиновничеством также был организован не в рамках писанных законодательных норм и формальных процедур. На основании жандармских донесений власть действовала, исходя из собственного видения ситуации. Таким образом решались и периодически возникавшие конфликты жандармов с губернаторами. Кроме того, штаб-офицеры должны были, по словам А. Е. Преснякова, «разрушать бюрократическое средостение между самодержавной властью и обывательской массой»: принимать жалобы и прошения, по возможности полюбовно решать разнообразные споры и разногласия.

Если можно условно считать губернских штаб-офицеров частью политической полиции, нельзя, однако, забывать, что они действовали вполне открыто, не получали специальных сумм на организацию в провинции агентурной сети; шеф жандармов был уверен, что «существование высшей полиции в известном мундире далеко полезнее, нежели тайные агенты, которых боялись бы видеть в каждой одежде, в каждом человеке»⁵. Среди предметов их ведения, «за несколькими исключениями, почти не нашли отражения те из них, которые однозначно можно было бы отнести к ведению политической полиции».

Штат собственно тайной полиции в Петербурге не вырос в сравнении с последними годами правления Александра I — его составили чиновники Особенной канцелярии Министерства внутренних дел. Но все дела политической полиции были сосредоточены в одном ведомстве. С созданием III Отделения ведомство тайной полиции получило статус самостоятельного независимого государственного института. На организацию тайного надзора были направлены значительные денежные ресурсы. Действие надзора было довольно узконаправленным. Агентурная сеть III Отделения существовала в двух столицах, где под постоянным негласным наблюдением находилась учащаяся молодежь, отдельные литераторы и чиновники, а также чины гвардии; секретная агентура была

создана на Кавказе и в Царстве Польском. Политическая полиция 1830–1840-х годов соединяла черты формально организованного тайного надзора, действовавшего также за границей, характерного для Западной Европы, с неформальным надзором жандармских офицеров, который был эффективен в рамках российской патриархальной сословной и политической системы.

Тайная полиция в такой конфигурации ранее в России не существовала. «Важная и ответственная должность, которую я занимаю, — писал Бенкендорф императору в начале 1828 года, — является новой не только для Российской Империи, но и для Европы. До настоящего времени высший надзор во всех странах основывался на тайном шпионаже и всевозможных вариантах подкупа, для чего в ход шли огромные суммы.

Ваше Величество решили облагородить эту ветвь управления; она перестала быть тайной... отныне она осуществляет открытый надзор за поведением служащих, угрожая тем непоседливым умам, которые стали дерзкими от чувства безнаказанности. Это новое учреждение должно было искать и новые основы»⁶. Отметим, что попытки историков найти аналоги этой системе в истории тайных полиций государств Западной Европы выглядят неубедительно⁷.

Реформированная по проекту А. Х. Бенкендорфа политическая полиция России показала свою эффективность в борьбе с оппозиционным и революционным движением, стала важным звеном в сохранении стабильности политической системы.

Как справедливо отметила Е. Н. Мухина, «чтобы созданная Николаем I система исправно функционировала, необходимы были не только опекавшие население жандармские штаб-офицеры, но и подданные, допускающие подобную опеку над собой»⁸. Как правило, жандармским офицерам удавалось приобретать доверенность губернских обывателей. В этой связи можно, к примеру, вспомнить появление жандарма в заключительной сцене гоголевского «Ревизора». Не случайно сам Бенкендорф пользовался при жизни немалой популярностью, особенно в провинции. В наименьшей степени это относилось к образованным слоям общества двух столиц. В среде нарождавшейся интеллигенции жандармская опека виделась явным анахронизмом и нередко воспринималась как произвол властей. Да и в целом дореформенное русское общество отнюдь не было статично. На глазах увеличивалось число выпускников средних и высших учебных заведений. Они объединялись

в различные общества по интересам и кружки, в которых оживала интеллектуальная жизнь. Эта среда была основным потребителем печатной продукции. В условиях роста общественного самосознания медленно, но неуклонно возрастало значение и самостоятельность общественного мнения.

Самодержавное правительство не посвящало общество в свои замыслы. Важнейшие решения принимались за закрытыми дверями канцелярий и секретных комитетов. По словам М. А. Полиевктова, в осуществлении внутриполитического курса Николай I не стремился «опереться на общество и должен был проводить свою политику исключительно за помощью бюрократических сил, чиновников»⁹. Министерства же были относительно слабы организационно, и еще оставались, по сути, в роли «безынициативных исполнителей планов императора»¹⁰.

Николай I не доверял формальной системе принятия решений через поэтапное обсуждение проектов в постоянно действующих государственных учреждениях, предпочитая рассматривать наиболее важные дела в кругу ближайших доверенных лиц. В отдельных случаях создавались специальные комитеты, детали деятельности которых не всегда доводились до сведения министров. Полиевктов даже предположил, что для государственной власти был характерен «процесс разложения системы министерского управления вследствие нарастания наряду с министерствами однородных, но не координированных с ними учреждений, и возникновения нового органа личного управления — собственной его величества канцелярии, заслоняющей собой Государственный Совет и Комитет Министров»¹¹.

Действительно, значение III Отделения в системе органов государственного управления не укладывалось в рамки, обозначенные официальным указом от 3 июля 1826 года. Тайная полиция была организована с прямым выходом на императора, он лично рассматривал все проходившие через нее существенные дела. Деятельность III Отделения затрагивала широкий спектр вопросов внутренней и внешней политики, входивших в компетенцию отдельных министерств, судебных органов. По словам Т. Г. Деревниной, «полная согласованность их (Николая I и Бенкендорфа. — Г. Б.) во взглядах на назначение “высшей” полиции в государстве позволила III Отделению безбоязненно вторгаться в сферу деятельности других министерств и ведомств, нередко принимая за них решения»¹². Николай I рассматривал рас-

ширение сферы деятельности политической полиции как возможность оперативно реагировать на различные внутриполитические вызовы, а также контролировать сами министерства. Исключая любые шаги по привлечению хотя бы части общества к какому бы то ни было участию в политической жизни, император стремился получать достоверную информацию об общественных настроениях. Жандармская и агентурная сеть позволяла правительству постоянно «щупать пульс» общественного мнения и корректировать вектор внутренней политики. Но публичного обсуждения своих действий, а тем более критики власть не допускала. С теми, кто нарушал этот порядок, она поступала, в сущности, весьма жестко. В частности, правительство перекрыло каналы проникновения свободного общественного мнения в периодическую печать. Административные меры казались достаточными для контроля над печатью.

Выстраивая политическую систему, Николай I ориентировался в первую очередь не столько на институты, сколько на наиболее ценных сотрудников с их выдающимися личными качествами, доказанными заслугами и богатым служебным опытом. А. Х. Бенкендорф занимал в их ряду одно из первых мест. С ними император принимал ключевые политические решения. На этом уровне Николай I допускал свободную дискуссию по существенным вопросам внутренней и внешней политики. Иллюстрацией тому может служить история неформального столкновения Бенкендорфа с Паскевичем по вопросу организации жандармерии в Царстве Польском.

Политическая полиция николаевской России была организована по проекту А. Х. Бенкендорфа. Ему принадлежала идея объединения усилий жандармов и чиновников политической полиции. Под его управлением были оформлены внутренняя структура, территориальная организация, штаты и сфера компетенции III Отделения и Корпуса жандармов. Шеф жандармов ревностно отстаивал именно такую форму организации тайной полиции. Значительных изменений в ней после 1844 года и до самого конца николаевского царствования не происходило.

Вся система тайного надзора замыкалась на фигуре главного начальника III Отделения. Николай I возложил на него без преувеличения огромную ответственность: из докладов и отчетов Бенкендорфа он выносил представление об общем состоянии дел в империи, о градусе общественных настроений. Анализируя

материалы жандармских донесений, Бенкендорф излагал императору свое видение вопросов внутренней и внешней политики, предлагал кандидатуры чиновников для назначений и увольнений. Ответственность была тем выше, что вспомогательных институтов тайной полиции не существовало, а штаб-офицеры в губерниях действовали фактически бесконтрольно. По сути, система жандармского контроля была создана «под Бенкендорфа», для ее эффективного функционирования необходимо было абсолютное личное доверие между шефом жандармов и императором. В противном случае вся конструкция политической полиции во многом теряла смысл. И доверие императора к своему первому шефу жандармов оставалось непоколебимым. Характер этих отношений уловил В. А. Жуковский, который после длительного разговора с Николаем I записал в дневник 1 апреля 1830 года: «Он (Николай I. — Г. Б.) полагает, что Бенкендорф не может обмануться»¹³.

Если справедливо мнение, что царствование Николая I достаточно четко делится на две примерно равные половины, направлявшийся А. Х. Бенкендорфом вплоть до окончания его карьеры процесс становления и упрочения полновесной системы политической полиции знаменовал собой развитие политической системы императора Николая I по восходящей линии. Во вторую половину царствования, продолжая мониторинг общественного мнения, как в России, так и за ее пределами, не теряя способности твердо контролировать и быстро подавлять любую общественно-политическую оппозицию в стране, служба тайной полиции не сможет застраховать императора Николая I от тяжелых политических ошибок. Возросший уровень общественного образования, а значит, и выросшая потребность в печатном слове и общественно-политической перспективе для конструктивной реализации своих лучших способностей его обладателями сделает проблему контроля над обществом со стороны самодержавного государства на порядок более сложной. Тайной полиции не удалось в полной мере уловить новые тенденции в развитии общественной мысли, плоды новой системы университетского образования. Характерно, что III Отделение и Корпус жандармов в 1840–1850-х годах не стали местом концентрации так называемой «либеральной бюрократии» — главной движущей силы политики реформ 1860–1870-х годов. С началом постепенной ломки жесткой сословной системы падала эффективность жандармской опеки, губернские штаб-

офицеры стали терять в глазах общества, постепенно проникавшегося настроениями интеллигенции, свой моральный авторитет. Со второй половины XIX века стала все более ощущаться острая необходимость организовать политическую полицию империи на совершенно иной основе.

А. Х. Бенкendorф же был активным участником и организатором значительной части успехов правительства Николая I.

